

RESEARCH

НЕКОТОРЫЕ РЕЛИКТЫ АКТИВНОГО СТРОЯ В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ. ЧАСТЬ 3

Е.В.Зарецкий

Франкфурт-на-Майне, ФРГ

Summary: Some possible relics of the active(-stative) typology in the Indo-European languages, modern and ancient, are discussed. Indo-European languages are compared with the active Native American languages.

Поскольку почти всем активным языкам присущ порядок слов «субъект > объект > глагол», типичные фреквенталии данной сериализации в значительной мере совпадают с фреквенталиями синтетического строя, также склонного к SOV. С другой стороны, поскольку для номинативных языков типичен SVO, фреквенталии SVO-языков имеют параллели с фреквенталиями аналитических. Так, У.Леман перечисляет следующие характеристики английского, присущие SVO-языкам: жёсткий порядок слов, при котором нельзя опускать ни субъекты, ни объекты, ни предикаты; интенсивное использование вспомогательных глаголов (обычно стоящих перед полнозначными глаголами); наличие пассива, с помощью которого акцентируется объект действия; использование предлогов, а не послелогов; использование стандарта после прилагательного в конструкциях сравнения (*It's very easy to take more than nothing*); построение генитива по принципу «обладаемое > обладатель» (*the house of Tweedledee*); употребление маркера вопроса в начале, а не в конце, предложения (*What right have you to call yourself so?, Do you...?*); употребление отрицания перед полнозначным глаголом (*I don't rejoice in insects at all*); использование местоимения, а не суффикса или префикса, для формирования медиа; отсутствие формальной дифференциации субъекта и объекта – для их разграничения достаточно жёсткого порядка слов (в то время как у SOV-языков почти всегда имеется система падежей); сочетание различных макроролей в субъектах без изменения их формы (*The custodian opened the door*, где субъект – агент; *The key opened the door*, где субъект – инструмент; *The door opened*, где грамматический субъект имеет денотатом объект действия) [Lehmann 1978 a, b].

Из данного списка следует, что в большинстве своём типичные характеристики языков с порядком слов SVO уже распространились в наиболее аналитизированных и номинативизированных индоевропейских языках (хотя можно найти исключения – например, употребление прилагательных

перед существительными в английском), в то время как в более синтетических языках сохранились реликты SOV, совпадающие с фреквенталиями активного строя. Например, в русском, в отличие от английского, сохранился относительно свободный порядок слов, при котором можно опускать главные члены предложения; вспомогательные глаголы развиты слабо, маркер вопроса *ли* ставится после глагола (а не в начале предложения, как англ. *do*), для формирования средне-возвратного залога используется постфикс *-ся* (а не отдельное местоимение; в данном отношении русский вернулся от характеристик SVO к характеристикам SOV); субъект и объект во многих случаях, хотя и не всегда, формально различаются; пассив развит слабо; семантические макророли распределены между различными падежами, благодаря чему номинатив чаще выражает роль агенса, чем в английском.

У.Леман перечисляет также следующие характеристики активных языков: относительно слабая развитость спряжения стативных глаголов, наличие у существительных с активными/ одушевлёнными денотатами активной и инактивной форм, инклюзивные и эксклюзивные местоимения первого лица множественного числа [Lehmann 1993: 214-215]. Слабую развитость стативного спряжения в активных языках можно сопоставить с немногочисленностью окончаний у индоевропейского перфекта, обозначавшего первоначально состояние, а также с немногочисленностью окончаний *hi*-спряжения хеттского языка (поскольку центростремительные значения присутствуют обычно у глаголов состояния, а не действия).

Что касается упомянутых Леманом **инклюзивных (включающих собеседника) и эксклюзивных (исключающих собеседника) форм** местоимений первого лица множественного числа, то они действительно нередко встречаются в языках активного строя [Климов 1977: 71, 109-110], ср. баиб. *vai/ vai* 'мы = ты, я и другие' (инклюзив) vs. *txo* 'мы = я и другие, но не ты' (эксклюзив) [Дешериев 1953: 170]. Следующий пример взят из ирокезского мохавкского языка, также считающегося активным: *Aetewatena'tarón:ni'* (OPTATIVE-1. INCLUSIVE. AGENT – PLURAL – REFLEXIVE – bread – make – BENEFACTIVE. PERFECTIVE. ASPECT = should-you.all.and.I-self-bread-make-for) 'Мы должны приготовить себе хлеба'; *-etewa-* 'мы' стоит здесь в инклюзивной форме [Mithun 2004: 127, 129], *Tewa-hiá:tons* 'Мы все [инкл.] пишем' vs. *Iakwa-hiá:tons* 'Мы все [экскл.] пишем', *Teni-hiá:tons* 'Мы двое [инкл.] пишем' vs. *Iakeni-hiá:tons* 'Мы двое [экскл.] пишем' [Mithun 1999: 70]. Примечательно, что в мохавкском языке, как и во многих других активных языках, присутствует двойственное число. Местоимение *-etewa-* 'мы' может обозначать трёх и более лиц, но не двух – для этой цели используется местоимение *-eteni-* (также инклюзивное). Оба местоимения являются агентивными, ср. *Tewa'nikonhráksen* 'Мы злонамеренны' (агентивно) vs. *Ionkhi'nikonhráksen* 'Мы грустны' (пациентивно, в обоих случаях употреблён глагол *-'nikonhráksen*, который М.Митун переводит как '-mind-be.bad').

В активном языке гуарани местоимение *oré* 'мы' исключает собеседников, а местоимение *ñandé* 'мы' включает их. В крикском языке разграничения между инклюзивом и эксклюзивом первого лица множественного

числа делаются следующим образом: *Ni-nira:-na:n* 'Мы [экскл.] спим' (*ni-* 'я' + *-na:n* маркер мн. ч.) vs. *Ki-nira:-na:naw* 'Мы [инкл.] спим' (*ki-* 'ты' + *-na:naw* 'все' мн. ч.) [Mithun 1999: 71]. В языке каддо, на котором говорят в Оклахоме (США), для построения инклюзива используется неопределённое местоимение 'кто-то' в сочетании с префиксами двойственного или множественного числа: *dí-iwabáwnah* (инкл., *dí* 'кто-то' + *wa* мн. ч.) vs. *cí-i-wa-báwnah* (экскл., *cí* 'я' + *-wa-* мн. ч.). Разграничение инклюзивных и эксклюзивных форм присутствует в агентивном ряде глагольных аффиксов (инкорпорированных субъектов) в индейском языке микасуки: *Ko-slom-i-ka* 'Мы [инкл.] режем', *Ko-slom-o-* 'Мы [экскл.] режем' [Mithun 1999: 465].

Инклюзивные и эксклюзивные формы 1 л. мн. ч. восстанавливаются и для индоевропейского праязыка [Lehmann 1993: 223]. Т.В.Гамкрелидзе и В.В.Иванов обращают внимание на наличие двух форм 1 л. мн. ч. в архаичных индоевропейских языках: в одних сохранились формы, которые можно реконструировать для праязыка в виде ** wei* - (** wes*), в других – ** tes* , ср. др.-инд. *vayám*, авест. *vaēm* (= **vayəm*), гот. *weis*, хет. *weš*, тох. Б *wes*, лит. *mēs*, ст.-слав. *my*, арм. *mek* [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 292]. Судя по сходству форм гот. *weis* 'мы', *izwis* 'вам, вас', лат. *vōs* 'вы', можно предположить, что индоевропейское местоимение ** wei* -, ставшее со временем англ. *we* и нем. *wir*, имело когда-то инклюзивное значение [Lehmann 2007]. Соответственно, второе индоевропейское местоимение 1 л. мн. ч., ** tes* , было, очевидно, эксклюзивным. У.Леман напрямую связывает данную характеристику праязыка с его активным строем. Кроме того, возможно, что в доиндоевропейском языке (предке индоевропейского праязыка) инклюзивные и эксклюзивные формы имели и глаголы [Sihler 1995: 446].

Как известно, в активных языках вместо **противопоставления актива пассиву** используется противопоставление центробежной версии центростремительной/ нецентробежной [Lehmann 1993: 214; Климов 1977: 139-143]. Речь в данном случае идёт не о залоге (категория залога в активных языках отсутствует), а о диатезе. Разница между ними заключается в том, что залогов могут по-разному, с разных точек зрения, описывать одно и то же явление (*Они убили его*, *Он был убит*), в то время как диатезы жёстко привязаны к реальности и не могут чередоваться в зависимости от того, что говорящий хочет подчеркнуть: само действие, субъект или объект действия. Таким образом, при описании определённых событий может использоваться либо центробежная, либо центростремительная версия, но не любая на выбор. Категория версии служит выражению направленности действия на субъект или от субъекта на что-то или кого-то вне его, её возникновение связывают с диффузностью значений глаголов. Топикализация объекта с помощью версий невозможна. Часто категория версии маркируется приставками, причём это распространяется только на центростремительную версию.

Пассив в активных языках невозможен уже потому, что в них отсутствуют полностью или практически полностью переходные глаголы [ср. Климов 1977: 180]. Пассив не обнаружен в активных языках хайда (семья на-дене); уичита (семья каддо); чокто и крикском (мускогейская семья);

тонкава, туника, ючи (индейские, у всех трёх генетические связи неизвестны); тлапанек (отомангская семья) [Wichmann 2007]. Хотя можно найти достаточно примеров и номинативных языков без пассива, среди активных языков таковых значительно больше.

Как отмечает С.Вихман, пассив иногда приписывают кетскому языку, но и принадлежность этого языка к активным (правильнее было бы сказать, что в данном языке сохранились некоторые реликты активного строя), и статус конструкций типа *Súùl óv-às bímbàve* [bin-b-a-bet] (snow father-INSTR it.is.made [self-3N.SJ-R-make]) ‘Санки сделаны моим отцом’ сомнительны. В языке коасати конструкция, называемая пассивной, должна быть причислена, по мнению Вихмана, к подвиду конструкций с неопределённым субъектом, ср. *Alikí mók ho-hí:ca-tik sánko-n* (doctor also DIST-look.for-but be-able-3NEG-SW) ‘Доктора искали, но не могли найти’ (типичная конструкция с неопределённым деятелем, префикс *ho-* маркирует множественность или разбросанность в пространстве субъекта или объекта действия) vs. *Thátha-k ho-banna-tíkko-laho-ŷká:ha-t* (white.person-SUBJ DISTR-need-3NEG-IRR-PHR.TERM say-CONN) ‘Он сказал, что белых людей не потребуется’ («пассивная» конструкция отличается от предыдущей только добавлением маркера топика *-k* к грамматическому субъекту ‘белые люди’). Добавим от себя, что коасати представляет собой язык смешанного номинативно-активного типа, потому зачатки пассива в нём вполне закономерны. В центральном помо конструкции, называемые иногда пассивными, не соответствуют каноническим характеристикам пассива: так, объект действия не превращается в грамматический субъект (т.е. сохраняет морфологию объекта действия), а суффикс «пассивности» *-ta* употребляется и с непереходными глаголами, хотя обычно в языках мира пассив может быть производным только или преимущественно от переходных. В австронезийском активном языке таба глагольный префикс *ta-*, который также можно было бы причислить к маркерам пассива, подчёркивает скорее состояние объекта после окончания действия, ср. *Male t=sakal boa* (must 1PL.INCL=smash door) ‘Мы должны были взломать дверь (приставка *ta-* отсутствует) vs. *Boa ta-sakal* (door DETR-smash) ‘Дверь взломана’ (приставка присутствует, конструкция выражает состояние двери). Язык апурина марипуранской семьи при ближайшем рассмотрении оказывается номинативно-активным. Конструкции, схожие с пассивными, в нём действительно употребляются, хотя и редко: *Ø-oka-pě-ka* (3M-kill-PFV-PASS) ‘Он был убит’. Маркер пассива *-ka*, присоединяется, однако, и к непереходным глаголам, и к глаголам в конструкциях с сохранённым производителем действия типа *Sotu ākiti akatsa-pě-ka* (deer jaguar bite-PFV-PASS) ‘Олень ягуар укусил/ Олень был укушен ягуаром’. Возможно, данный суффикс на самом деле выражает какой-то оттенок завершенности или незавершенности действия. Наиболее похожей на пассивную конструкцию среди всех активных языков Вихман считает следующую: аравак. *Ly-farynoa-bo* (he-kill-CONT) ‘Его убивают/ Он убивает себя’ (маркером пассива является формант *-oa* ~ *-noa*), *Tho-bokonoa-bo* (she/it-boil-CONT) ‘Это готовится [кем-то]/ Это варится’.

По мнению С.Вихмана, отсутствие пассива в активных языках компенсируют конструкции «пациентивно-результативные» (т.е. выражающие состояние объекта действия после окончания действия) и возвратные. Второй тип представлен языком хайда. Возвратные глаголы в нём употребляются в стативном аспекте (виде): *'l ja daangga-gii-gan* (3 be.divorced-PFV-PST) 'Он развёлся' (суффикс *-gii*, имеющий значение 'раньше и до сих пор', может присоединяться к глаголам только в стативном аспекте). Наиболее типичные значения таких глаголов – результат действия в прошлом (как в предыдущем примере) и возможность совершить что-то: *Randl-ee-t'alg ra kaadajaa-gang* (stream-DEF-over jumpable-PR) 'Поток можно перепрыгнуть', дословно 'Поток перепрыгивается'. В крикском языке для компенсации отсутствия пассива используются безличное множественное число, при котором объекты действия не превращаются в грамматические субъекты, и средний залог. В чокто для той же цели применяются глагольные формы, обычно именуемые медиопассивными. При желании не упоминать субъект действия в некоторых активных языках можно прибегнуть к неопределённо-личным формам: дакота *Kaskapi* 'Его связали', *Makaskapi* 'Меня связали' [Riggs 1893: 31] (отдельные авторы считают, однако, конструкции с глаголами в форме 3 л. мн. ч. пассивными: так, М.Митун пишет, что в языке карук пассив образуется с помощью агентивных форм 3 л. мн. ч., ср. *Kun-mah* 'Они его видят' или 'Он виден ими', где *kun* значит 'они/ его' [Mithun 1999: 436]; разумеется, речь в данном случае идёт только о суррогате пассива).

Отсутствие в активных языках категории пассива С.Вихман связывает с их ориентацией на выражение действия, а не субъектно-объектных отношений [Wichmann 2007]. Вихман делит языки на *event-oriented* («ориентированные на события», к этой группе относятся активные) и *participant-oriented* («ориентированные на участников событий», к этой группе относятся номинативные и эргативные). В языках первой группы невозможно менять оформление актантов в зависимости от желания говорящего подчеркнуть дополнение и снять акцент с подлежащего. Падежи жёстко привязаны к семантическим ролям, потому нельзя ставить объект действия в активном падеже, а активный субъект действия – в пациентивном. Можно, однако, подобрать другой глагол, не требующий указания того актанта, которого говорящий не желает упоминать (можно сказать 'Обед варился' вместо 'Кок варил обед').

Как отмечает У.Леман, центробежная версия активных языков соответствует индоевропейскому активу, а центростремительная – медию [Lehmann 1993: 214; ср. Климов 1977: 141]¹. Пассив в индоевропейских языках, как известно, является категорией относительно поздней и явно связанной с более ранним медиумом [Кацнельсон 1936: 41-42; Lehmann 1993: 166, 183-184; Schmidt 1987: 130, 177; Meier-Brügger 2002: 263-264; Элиза-

¹ Количество диатез в индоевропейском праязыке является вопросом дискуссионным: одни учёные ограничиваются выделением актива и медиа, другие добавляют к ним статив (диатезу для выражения состояний, слившуюся со временем с медиум или, напротив, ставшую основой медиа).

ренкова 1982: 276]. Медий, в свою очередь, вероятно, генетически связан со стативом, т.е. бывшей центростремительной версией, требовавшей субъектов, формально сопоставимых с современными объектами. Глаголы актива и центробежной версии, напротив, употреблялись с активным падежом субъекта.

Употребление активного или пациентивного падежа зависело в языке не от переходности глагола, а от степени агентивности субъекта, что было непонятно ранним исследователям праязыка и привело к возникновению многочисленных теорий, объяснявших различные маркировки номинатива. Так, А.Вайан обратил внимание на супплетивность индоевропейского «номинатива» (т.е. падежа субъекта при переходных и непереходных глаголах), употреблявшегося с окончанием *-s* или без него, но не догадался, что речь в данном случае может идти о двух падежах – активном и пассивном [Kortlandt 1983: 308-309]. Х.Педерсен считал окончание *-s* эргативным, употреблявшимся при переходных глаголах. Нулевое окончание, по его мнению, имели подлежащие при непереходных глаголах и объекты действия при переходных. Соответственно, субъекты при непереходных глаголах имели, по его мнению, форму объектов при переходных². Тот факт, что окончание *-s* реконструируется и для непереходных глаголов, он объяснял процессом развития общего активного падежа (*casus activus*). Наше предположение заключается в том, что *casus activus* мог использоваться с «непереходными» глаголами изначально, если они выражали активные действия, т.е. он не вторичен и не является результатом позднего развития активного падежа. Термин «(не)переходные глаголы» по отношению к раннему индоевропейскому праязыку и его предку – доиндоевропейскому – мы употребляем здесь только при ссылках на работы других авторов, не учитывавших в своих работах теорию принадлежности этих языков к активному строю, при котором глаголы делятся на активные/ глаголы действия и стативные/ глаголы состояния.

В хеттском противопоставления актив-пассив не найдено. Ещё в 1930-е годы А.Вайан высказал предположение, что хеттские спряжения на *mi* и *hi* могли относиться первоначально к переходным (в основном, активным) и непереходным (в основном, стативным) глаголам соответственно [Kortlandt 1983: 308-309]. В 2006 году вышла работа С.Р.Роуз «The Hittite *-hi/-mi* conjugations», в которой демонстрируется, что различия в хеттском между склонениями *hi* и *mi* являются реликтами первоначального противопоставления центростремительной и центробежной версий в индоевропейском праязыке [Quiles 2007: 84]. В связи с этим можно также вспомнить, что А.Н.Савченко видел в тех же хеттских спряжениях отражение

² Ср. «For Proto-Indo-European we can assume that the subject was in the absolutive (asigmatic nominative) case in the Stative and the perfect because these categories were intransitive. The original derivative relationship between a transitive present and an intransitive perfect has been preserved in *πείθω* 'I persuade', *πέποιθα* 'I trust', *ρίπτωμι* 'I break (tr.)', *ἔρρωγα* 'I am broken'. If the agent was mentioned with the perfect, it was probably in the dative if it was animate and in the instrumental if it was inanimate» [Kortlandt 1983: 302-303].

категорий действия и состояния [Климов 1977: 180], а в работе В.В.Иванова *Общеславянская, праславянская и анатолийская языковые системы* спряжение на *ti-* связывается со славянским пятым глагольным классом по А.Лескину [Иванов 1965: 55] (Г.Хабургаев описывает этот класс для старославянского как состоящий из глаголов действия несовершенного вида [Хабургаев 1974: 317-318]). Со временем *hi-*глаголы, изначально непереходные, послужили основой для развития медиопассива и перфекта [Иванов 1965: 115].

В санскрите пассив отсутствовал, но уже были развиты актив и медий. Медий, в основном, использовался для передачи действий, направленных на сам субъект, ограниченных субъектом, а также для выражения взаимного воздействия типа 'целоваться', 'обниматься'. Он же использовался в праязыке и архаичных индоевропейских языках для передачи значений пассива, что особенно хорошо видно при переводе на современный английский (поскольку в английском пассив развит сильнее, чем в большинстве других индоевропейских языков): гот. *Apþan atgaggand dagōs þan afnimada af im sa brūþfaps* = *But the days will come when the bridegroom is taken from them, Jah jabái gards wipra sik gadáiljada...* = *And if a house is divided against itself...; Jah þu, barnilō, praiūfētus háuhistins háitaza...* = *And you, child, shall be called a prophet of the Highest...; древнесев. Uha haite* = *I am called Ūha* [Lehmann 2007]. Именно медий стал одним из основных «наследников» стативных глаголов, потому, например, древнегреческие глаголы, употребляющиеся исключительно в меди, имеют характерную семантику состояний ('сидеть', 'лежать'), качеств ('краснеть', 'быть тёплым', 'быть злым') и неволитивных действий ('смеяться', 'тошнить') [Lehmann 1993: 232; Meier-Brügger 2002: 182, 263; Schmidt-Brandt 1998: 234]. Аналогичная ситуация наблюдается в хеттском, где глаголы *hi-*спряжения имеют семантику типа 'умирать', 'видеть', 'знать' и т.п.

Тот факт, что в индоевропейском праязыке либо полностью отсутствовал, либо только начинал зарождаться страдательный залог, вполне вписывается в общую картину языков с порядком слов «субъект > объект > глагол». В отличие от SVO и VSO, пассив в них часто отсутствует, т.к. языковых средств для акцентирования самого действия или снятия акцента с производителя действия не требуется (сам субъект во многих таких языках не акцентирован) [Lehmann 1993: 166]. Так, в японском как типичном SOV-языке пассив до начала активных контактов с английским употреблялся редко и скорее для дополнительной маркировки вежливости, и только в XX веке, когда Япония подпала под сильное влияние Запада, особенно США, сфера употребления пассива расширилась. Кроме того, SOV-языки благодаря рано или поздно развивающейся системе падежей более склонны к свободному порядку слов, чем языки с SVO, а потому реже используют пассив, необходимый в SVO-языках для топикализации дополнения [Schmidt 1987: 207, 235]. Переход к SVO в индоевропейских языках У.Леман связывает с аналитизацией [Lehmann 1993: 185]. Со становлением жёсткого порядка слов, сопутствующего аналитизации, коррелирует и учащение пассива, что можно было наблюдать, например, в греческом языке [Lehmann 1993: 166].

Направленность действия на субъект и взаимная направленность действия на субъект и объект выражались в индоевропейском праязыке суффиксами, что вполне типично для языков с SOV. Возвратных местоимений для праязыка не восстанавливается. Развитие возвратных глаголов с возвратными местоимениями типа нем. *mich, dich, sich* У.Леман связывает с переходом индоевропейских языков от порядка слов SOV к SVO, поскольку типологические исследования языков мира демонстрируют, что в языках с порядком слов «субъект > глагол > объект» действия, направленные на сам субъект (типа ‘умыться’), а также на субъект и объект (‘целоваться’), выражаются с помощью отдельного слова, часто местоимения, а не окончанием или суффиксом. Следует отметить, однако, что разграничение самостоятельных слов и аффиксов в какой-то мере конвенционально в пределах того или иного языкового сообщества. В частности, в русских литературных источниках постфикс *-ся* употреблялся отдельно, т.е. в качестве местоимения, вплоть до XVII века, а сейчас пишется слитно [Горшкова, Хабургаев 1981: 283; ср. Ремнева 2004: 211].

Выше уже были названы две причины развития страдательного залога: номинативизация (при которой распадается грамматическая категория версии) и становление жёсткого порядка слов (при котором становится невозможным акцентирование объекта действия перестановкой слов в предложении). Если номинативизация совпадает с распадом системы субстантивных флексий и, как следствие, становлением жёсткого порядка слов, то у носителей языка появляется потребность акцентировать объект действия альтернативными способами: например, неопределённо-личными и страдательными конструкциями. Такие трансформации действительно имели место в большинстве языков индоевропейской семьи, что особенно относится к языкам, подвергшимся пиджинизации, креолизации и вообще интенсивным языковым контактам, приведшим к распаду системы флексий и номинативизации. Следует добавить, что в процессе номинативизации именной падеж всё больше трансформируется в общий падеж, вбирающий в себя семантические макророли прочих падежей, в т.ч. пациенс, что делает возможным возникновение новых конструкций, в которых объект действия формально превращается в субъект: *Кто-то его убил > Он [пациенс] был убит*.

Можно согласиться с Я.Вакернагелем, который считал одной из причин становления страдательного залога желание говорить о самом событии, не выставляя на передний план действующее лицо [Кацнельсон 1936: 41]. Мы присоединяемся также к точке зрения Э.Виштранда, согласно которой возникновение пассива связано со становлением переходных и непереходных глаголов (категория транзитивности принадлежит к основным характеристикам номинативного строя), но отвергаем его культурологическое толкование, будто транзитивация есть следствие развития рационального мировоззрения (см. его работу *Über das Passivum*, 1941) [Schmidt 1987: 124]. Не существует ни малейшей связи между количеством прямопереходных глаголов и уровнем цивилизационного развития или какими-то особенностями менталитета, о чём свидетельствует наличие категории переходности во всех ранних креольских языках (обладающих без исклю-

чения номинативным строем). Сомнительно и предположение Г.Хартмана, будто развитие пассива в итало-кельтских и индоарийских языках есть следствие культурного контакта с представителями «пассивных» народов (т.е. народов с пассивным отношением к жизни) – доиндоевропейским населением Европы, говорившим на эргативных языках типа баскского (отсюда якобы чрезвычайная пассивность в национальном характере ирландцев) [Schmidt 1987: 176-178]. Если само влияние эргативных конструкций на сферу употребления пассива нельзя исключить, то влияние неких культурем на ту же грамматическую категорию следует отнести к этнолингвистическим мифам.

Среди дополнительных факторов, влияющих на развитость пассива, следует упомянуть универсальную склонность языков выражать тему в начале предложения. Склонность эта, однако, проявляется в языках в разной мере в зависимости от их грамматического строя. Как известно, в языках, называемых *topic-prominent*, т.е. уделяющих особое внимание выражению темы, пассив либо отсутствует полностью, либо развит слабо [Schmidt 1987: 208]. К таким языкам относятся, очевидно, в основной своей массе и активные. В частности, для активных языков типичны конструкции с «двойными подлежащими»: тускарора *Hra ʔnyahkwí:n̄əs k̄á:t̄sya* ... *wáhre ʔr raw̄əhé:ȳa*: (he's.peddling fish he.thought he.was.dead) 'Разносчик рыбы, он думал, что он [лис] мёртв' (говорящий хочет переключить внимание слушателя с лиса, о котором речь шла выше, на разносчика рыбы; для этого используются два субъекта подряд и акцентирование первого субъекта особой интонацией) [Mithun 1999: 199]. Напротив, в языках, называемых *subject-prominent*, принцип «тема > рема» соблюдается реже, предпочтение отдаётся постановке на первом месте не топика, а субъекта. Поскольку топикализация затруднена, приходится прибегать к альтернативным методам снятия акцента с субъекта и акцентирования объекта, в т.ч. к пассиву.

Русский и английский языки, несомненно, следует причислить к группе *subject-prominent*, но русский сохранил значительно больше свойств языков из группы *topic-prominent* благодаря свободному порядку слов и реликтам активного строя. Немецкий занимает промежуточную позицию. Так, в русском предложения значительно чаще начинаются с темы, в то время как в английском с его жёстким порядком слов тема часто оказывается не на первом месте. Топикализация в английском осуществляется с помощью пассива, который в русском требуется значительно реже, тем более что его значения распределены между имперсоналом и средневозвратным залогом. Отдельные характеристики, функционально соответствующие типичным признакам аналитических языков из группы *topic-prominent*, можно, однако, найти и в английском, в т.ч. упомянутые выше «двойные подлежащие» (обозначение условно, поскольку одно из «подлежащих», хотя и занимает начальную позицию в предложении, часто имеет денотатом объект действия): *My sister, I saw her yesterday* = нем. *Meine Schwester habe ich gestern gesehen* = *Мою сестру я видел вчера* [ср. Schmidt 1987: 239, 241-242]. Аналитизированные языки из группы *subject-prominent* пользуются формальными средствами выражения отсутствия

топика в предложении (формальными субъектами) в тех случаях, когда в синтетических языках достаточно перестановки слов: *Es war einmal ein König* 'Жил-был царь' [Schmidt 1987: 296].

Мы не присоединяемся здесь к точке зрения Ч.Ли и С.Томпсон, что все индоевропейские языки являются subject-prominent, а также к точке зрения У.Шмидта, предполагавшего, что немецкий, в отличие от славянских языков, является topic-prominent [Schmidt 1987: 267-269]. Первые два автора исходили преимущественно из данных английского языка, который действительно обладает ограниченным инвентарём средств выражения темы на первом месте, а У.Шмидт сделал свой вывод, исходя из ложных предпосылок об устройстве славянских языков. Например, он полагает, что в славянских языках нет инверсии (изменения нормального порядка слов или словосочетаний как стилистического приёма), хотя в славянских языках она встречается благодаря свободному порядку слов чаще, чем в анализированных западных: рус. *Минутных жизни впечатлений Не сохранил душа моя...*, *Под вечер, осенью ненастной, В далёких дева шла местах...* (А.С.Пушкин), укр. *Наче весни усміх перший є вірш і дівчина перша; спомин – роса весняна, щастя забутого сон* (Б.-І.Антонич). Шмидт, кстати, отмечает, что в славянских языках более свободный порядок слов, чем в немецком (а в немецком – более свободный, чем в английском и французском), не делая, однако, из этого соответствующих выводов [Schmidt 1987: 265-266].

Вероятно, следует предположить, что индоевропейские языки распределены в континууме между типами subject-prominent и topic-prominent, в котором более древние и архаичные ближе ко второму полюсу (topic-prominent). Праязык, как и прочие активные языки, принадлежал, очевидно, к группе topic-prominent, в то время как африкаанс, английский и другие сильно анализированные языки близко подошли к противоположному полюсу. Некоторые учёные выделяют также subject-and-topic-prominent languages и neither-topic-nor-subject-prominent languages, но мы здесь на них останавливаться не будем.

Таким образом, русский и украинский, как и прочие языки, сохранившие обширную падежную систему, относительно близки к тому же типу языков, что и активные, – topic-prominent. Для данного типа характерно слабое использование пассива или его полное отсутствие, что мы и наблюдаем в активных и синтетических номинативных языках по сравнению с аналитическими номинативными типа английского. Однако, если в активных языках неразвитость пассива обусловлена скорее акцентированием самого действия, а не актантов, то в синтетических номинативных – возможностью выделить актанты без задействования пассива (преимущественно перестановкой слов в предложении). Соответственно, в современном русском и в его далёких предках вплоть до индоевропейского праязыка страдательный залог требовался в значительно меньшей мере, чем в западных языках, также не имевших на более ранних стадиях пассива, но разивших его из-за сменившейся типологии.

Для индоевропейского праязыка восстанавливаются формы статива на *-r*, отчасти сохранившиеся в различном виде в латыни, хеттском, кельт-

ских языках, в оскско-умбрской ветви, в тохарском, а также, возможно, в армянском, фригийском и венетском [Schmidt 1987: 123-124; Lehmann 1993: 220-221]. Окончанием индоевропейского перфекта в форме 3 л. мн. ч. было *-r*, одним из окончаний медиопассива в некоторых древних индоевропейских языках тоже было *-r*, окончанием стативного спряжения 3 л. мн. ч. было *-AR/ -er*. Такие параллели могут свидетельствовать о родстве данных трёх категорий, хотя данный вопрос ещё требует более подробного изучения. Возможно, развитие форм шло по формуле «3 л. мн. ч. статива (напр., ‘они положили’) > ‘положили’ > 3 л. ед. ч. пассива (напр., ‘было положено’)», т.е. от формы множественного числа статива к безличному нестативному пассиву [Schmidt-Brandt 1998: 234; Климов 1977: 195]. Отсюда сходство форм статива, перфекта и безличного нестативного пассива (наличие *r* в окончании): лат. *curritur* ‘бегут’, *itur* ‘идут’ (безлич. пассив) и лат. *condidēre* ‘они основали’, древнеинд. *dadhūr* ‘они поставили’, *uter* ‘они унесли’ (перфект). М.М.Гухман полагала, что индоевропейский безличный пассив только использует форму пассива, является его омонимом, но на самом деле есть форма безличности непереходных глаголов активного действия [Климов 1977: 198]. В германских, славянских и балтийских языках превращение стативных (или же перфектных) *r*-форм в безличный пассив не произошло. В хеттском формы на *-r* входят в парадигму медиа, в кельтском прослеживается эволюция от безличных форм к пассивным, в итальянских языках, включая латынь, – к медиопассивным.

Тот факт, что имперсонал со временем развился в медиа и пассив, не представляет собой ничего необычного. Х.Стата-Халикас отмечает в статье «From impersonal to passive: The Italo-Celtic evidence» (1975), что пассив и имперсонал используются для выражения сплошного и неразрывного континуума схожих значений [Schmidt 1987: 124]. Потому имперсонал вполне может превращаться со временем в пассив и наоборот (добавим, что они могут способствовать развитию друг друга при иноязычном влиянии: известно, например, что под давлением английского пассива в тайском языке получил более широкое распространение имперсонал [Enfield 2002: 13]). Кроме того, пассив и имперсонал могут быть синтаксически связаны друг с другом. Данное замечание Стата-Халикас позволяет понять, почему в индоевропейских языках, в которых имперсонал почти исчез, обычно сравнительно часто встречается пассив. Это относится, например, к английскому языку, в котором пассив можно строить не только от обычных прямопереходных глаголов (т.е. глаголов, требующих аккумулятивного дополнения), но и от глаголов с предложными и косвенными дополнениями [Schmidt 1987: 147]. Как и имперсонал, пассив позволяет удалять субъекта действия из высказывания, благодаря чему на первый план выступает либо само действие, либо его объект. Кроме того, пассив широко используется для описания состояний, наступивших в результате действия (ср. *Das Auto ist repariert* ‘Машину починили’ – немецкий «пассив состояния») [Schmidt 1987: 158], т.е. в той же функции, в какой использовался древний индоевропейский перфект, возникший на основе стативных глаголов (перфект в древних индоевропейских языках, включая старославянский, использовался для описания состояний, являющихся результатом

действия в прошлом) [Ремнёва 2004: 269-270; Meier-Brügger 2002: 258; Quiles 2007: 186; Елизаренкова 1982: 287; Sihler 1995: 445].

Вкратце также следует затронуть тему образования **инфинитивов**. В активных языках инфинитивы обычно отсутствуют [Климов 1977: 111-112], как и в языках с порядком слов SOV вообще (активные языки в большинстве своём имеют сериализацию SOV, значительно реже OVS [Климов 1977: 115]). Для индоевропейского праязыка их также реконструировать не удалось [Lehmann 1993: 163-165; Meier-Brügger 2002: 185; Quiles 2007: 194; Sihler 1995: 606-607]. В древних индоевропейских языках окончания инфинитивов друг с другом зачастую никак не связаны, что может свидетельствовать об их позднем происхождении: греч. *-ein*, лат. гласный + *-re*, герм. **-onot > -an > -en > Ø*. Очевидно, инфинитивы развились из отглагольных субстантивов (*nomina actionis*) типа рус. *хождение, поедание*, т.е. из склоняемых существительных, образованных от глаголов. В то время как инфинитивы требуют дополнений в аккумулятиве (ср. *поедать пирог*), отглагольные существительные – дополнений в генитиве (ср. *поедание пирога*).

Так, Т.Я.Елизаренкова пишет в *Грамматике ведийского языка*, что инфинитивы в данном языке представляют собой «отглагольные имена существительные со значением *nomina actionis*, функционирующие в виде застывших падежных форм или имеющие собственные окончания» [Елизаренкова 1982: 358]. Хеттский инфинитив тоже можно скорее назвать отглагольным существительным [Lehmann 1993: 165]. В славянских языках инфинитивы развились из форм имён дат. п. ед. ч. основ на **ī* [Ремнёва 2004: 279]. Форма дательного падежа сохранилась потому, что имя в своём использовании закрепилось в функции косвенного дополнения при глаголе или существительном: ст.-сл. *Не подобаше ли и тебе простить своего товарища?* [Хабургаев 1974: 306].

Отсутствие инфинитивов в SOV-языках, к которым принадлежал и индоевропейский, У.Леман объясняет тем, что интерпретация инфинитивов слушателем возможна только после финитной формы глагола [Lehmann 1993: 165]. Поскольку в SOV-языках такая форма стоит на последнем месте, инфинитивы не могут возникнуть. С другой стороны, отглагольные существительные вполне вписываются в структуру SOV, т.к. стоят перед глаголом (как в хетт. *Uwatar iyanun* ‘Осмотр я сделал’, где *uwatar* ‘осмотр’ – отглагольное существительное). Г.А.Климов, однако, сомневается и в употребительности *nomina actionis* в активных языках – по его мнению, для активных языков характерны только *nomina agentis* (существительные, образованные от глаголов для обозначения производителей действия: *водитъ > водитель*), а вместо конструкций с инфинитивами типа рус. *Я не могу ходить* употребляются конструкции с суффиксом потенциалиса, передаваемые на русском наиболее адекватно как ‘Я не могу хожу’.

В некоторых активных языках инфинитивы и/или отглагольные существительные всё же присутствуют. Так, в языке коасати можно встретить выражения с дативными субъектами типа следующих: *Holtolihná am-*

aciĥb-á:ho:s (counting-SUBJ 1SDAT-be:difficult-ADV) 'Считать трудно мне' или 'Счёт труден мне' [Kimball 1991: 278]. Коасати принадлежит, однако, к языкам переходного типа.

Таким образом, для индоевропейского праязыка на его ранней стадии инфинитивы не восстанавливаются, что вполне соответствует максимумам активных языков. Со временем в нём появились отглагольные существительные, которые в свою очередь превратились в инфинитивы уже после распада праязыка в период номинативизации.

Значительную роль в сохранении реликтов активного строя в русском языке могло сыграть **влияние финно-угорского субстрата**, поскольку некоторые финно-угорские племена перешли в своё время на русский³. Как известно, для прото-уральского реконструируется эргативный строй (или, по крайней мере, его реликты), сохранившийся в остаточном виде по сей день, особенно в хантыйском. Соответственно, хотя современные финно-угорские языки номинативны, реликты эргативности в них просматриваются достаточно чётко. Поскольку эргативный и активный строй относительно близки (эргативный строй описывается некоторыми учёными в качестве промежуточного между активным и номинативным), их реликты при переходе к номинативному строю выглядят примерно одинаково: безличные конструкции, лабильные глаголы, всевозможные отклонения от схемы «номинативный субъект > глагол > аккузативный объект». В частности, в хантыйском обнаружена конструкция с локативными субъектами, сопоставимая с русской инструментальной типа *Его убило молнией* (инструментала в хантыйском не существует, потому в том же значении используется локатив): *Asetna ontapna wersa* 'Его отец сделал ему колыбель' ('отец' стоит в локативе) [Veenker 1967: 139; ср. Navas 2006: 107]. Падеж субъекта действия здесь явно маркированный, что характерно и для эргативных, и для активных языков. Соответственно, данный реликт эргативного строя вполне мог способствовать сохранению русских реликтов активного строя (в данном случае – сохранению конструкции с инструментальными субъектами, реконструируемой и для индоевропейского праязыка [Kortlandt 1983: 308]).

Вполне вероятным представляется также консервирующее влияние финно-угорских языков на русскую падежную систему: хотя для прото-уральского реконструируют «всего» 5-6 падежей, а в современных финно-угорских языках падежные системы развиты в различной степени (от 3 в

³ Ср. «In the territory of what is currently Russia, the East Slavonic language spread to the Finno-Ugric language area mostly during the Slav expansion after the year 500 AC. Many Finno-Ugric language speaking nations (e.g. those speaking Merya, Meshcherian, Muromian, Mordvin, Mari and Udmurt) became speakers of Russian. In connection with the language change, the present Russian language was born, with a large substratum originating in the Finno-Ugric languages» [Wiik 2005]. Этот же автор предполагает финно-угорский субстрат в других индоевропейских языках, включая прото-балтийский и прото-германский [Wiik 2005] (насколько нам известно, его точка зрения касательно прото-германского языка была отвергнута большинством учёных).

северно-хантыйском до 24 в венгерском), всё же финно-угорские языки в большинстве своём расширили первичную систему прото-уральского и пошли не по пути аналитизации, как индоевропейские языки, а в сторону всё большего синтеза [Veenker 1967: 80-84]. Падежная система русского языка, в свою очередь, способствует сохранению имперсонала, обычно требующего перестановки дополнения на первое место, что в аналитизированных языках часто проблематично.

Общеизвестно влияние финно-угорских языков на **русскую конструкцию У меня есть** [Veenker 1967: 117-119]. Ещё в 1893 г. Г.Штайнталь писал в работе *Charakteristik der hauptsächlichsten Typen des Sprachbaues*, что посредством «урало-алтайского соседства» в русском, вопреки наличию глагола *иметь*, распространились конструкции типа *У тебя отец и мать*, *Есть ли у тебя время?* [Veenker 1967: 238]. В.Скаличка обращал внимание на то, что в урало-алтайских языках обычно отсутствует глагол 'иметь', в чём он видел общий с русским признак «евроазиатизма» данных языков, т.е. их принадлежности к общему языковому союзу [Veenker 1967: 238]. Появление глагола 'иметь' и в финно-угорских, и в индоевропейских языках вторично.

В большинстве современных финно-угорских языков конструкции принадлежности строятся по формуле «обладатель (косвенный падеж) + глагол существования в 3 лице + обладаемое (номинатив)» [Veenker 1967: 237], т.е. обладание выражается подобно состоянию, а не действию. Глагол существования (обычно 'быть'), как и в русском, может опускаться. Зачастую субъект в урало-алтайских языках, в т.ч. финно-угорских, стоит в падеже, указывающем на место, где находится обладаемое, ср. рус. *У меня есть*. Так, в 1884 г. Г.Винклер отмечал, что «обладание выражается с помощью фразы 'быть у' в финском, эстонском, всех ливских языках, вепском, водском, коми, эрзя-мордвинском, якутском, монгольском, тунгусском, отчасти в самоедском» [цит. по: Veenker 1967: 238].

Аналогичная ситуация наблюдается в древних индоевропейских языках, не знавших глагола 'иметь' или прибегавших к нему относительно редко. Для протоязыка он не реконструируется вообще [Lehmann 1993: 90; Гамкрелидзе, Иванов 1984: 288], в ведийском языке принадлежность выражалась глаголом 'быть' [Елизаренкова 1982: 402], аналогично в хеттском: *Tuqqa UL kuitki ešzi* 'У тебя ничего нет', дословно 'Тебе ничего нет' [Иванов 1965: 69].

Слабая развитость глагола 'иметь' в финно-угорских и древних индоевропейских языках объясняется тем, что при деноминативном строе данный глагол обычно отсутствует. Это, в первую очередь, касается активного строя, для которого транзитивные глаголы нетипичны (глагол 'иметь' транзитивный), потому то же значение выражается другими средствами: 'У меня есть', 'Мне есть' и др. [Seeffranz-Montag 1983: 78; Lehmann 1993: 214-215, 217]: коасати *I:sa-k am-na:h* (house-SUBJ 1SDAT-exist) 'Дом существует мне', т.е. 'У меня есть дом' [Kimball 1991: 251], центр. помо *Kú-má-ṭa mu-lṭayaṭ* (child woman their) дословно 'Ребёнок-женщина их', т.е. 'У них есть дочь', тускарора *Ru-táhskw-a-ṷ?* (MASCULINE.PATIENT-domestic.animal-EPENTHETIC-lie.STATIVE) дословно 'У него домашнее

животное лежит’, т.е. ‘У него есть домашнее животное’ [Mithun 1999: 249], бацб. *Цхьа дб ба сē* ‘Моя есть одна лошадь’ (здесь логический субъект принадлежности и обладания *сē* – это притяжательная форма родительного падежа личного местоимения *со* ‘я’, *дб* ‘лошадь’ согласуется со связкой *б-а* в грамматическом классе), *Сого (согохь) коки лацир* ‘У меня (дословно: на меня) нога болела’, *Укхго (укхгохь) корт лаици* ‘У него (дословно: на него) болит голова’, *Йахьго (йахьгохь) коки бестино* ‘У девушки/девочки (дословно: на девушке/девочке) распухла нога’, *Сон коки лациар* ‘У меня (дословно: мне) нога болела’ [Дешериев 1953: 240]. В активном языке чокто принадлежность строится по принципу дативных конструкций с помощью специальных глаголов, эквивалентных рус. *быть, находиться, располагаться, лежать*: *Holisso'-mat am-ittōla-h* (book-D:NM 1SIII-lie:N-TNS) ‘Книга лежит мне’, *John-at ofi-yat im-ātta-h* (John-NM dog-NM III-be:SG:N-TNS) ‘Джону есть собака’ [Broadwell 2006: 35-36, 340]. Обычно в активных языках для передачи принадлежности используются глаголы непроизвольного действия и состояния [Климов 1977: 64].

Таким образом, в активных языках, а также языках с реликтами деноминативности (в т.ч. финно-угорских и архаичных индоевропейских) принадлежность выражается примерно одинаково. Их общим знаменателем можно назвать отсутствие глагола ‘иметь’, характерного для номинативных языков, косвенный падеж субъекта-обладателя и выраженное номинативом обладаемое. Примечательно также, что глаголы в значении ‘иметь’ возникают в финно-угорских и индоевропейских языках из глаголов с одной и той же семантикой ‘держат’’. Это относится, в частности, к хантыйскому глаголу *tajtaa* [Veenker 1967: 239], хеттскому *ħark-* (ср. лат. *arceō* ‘сдерживаю, удерживаю, задерживаю’) [Иванов 1965: 69; Гамкрелидзе, Иванов 1984: 289] и греческому *ékho* [Lehmann 1993: 222]. Аналогично в активном языке чокто в процессе развития номинативного строя для выражения принадлежности всё чаще употребляется не дативная конструкция с глаголом ‘быть’, а глагол *ishih* ‘брать, получать’, приобретающий при длительном способе действия значение ‘держат’’: *Shapo' ish-ishi-h-o?* (hat 2SI-have:N-TNS-Q) ‘У тебя есть шапка?’ (в более старом употреблении – ‘Ты держишь шапку в руках?’). Субъект при этом глаголе стоит в номинативе, объект – в аккузативе или без маркировки падежа [Broadwell 2006: 339-340].

Следует также упомянуть наличие в русском языке **конструкций с опускаемым глаголом *быть***: *Чиж голодный, Москва – столица России* [Veenker 1967: 109-117]. Подобные конструкции можно найти практически во всех финно-угорских языках, включая архаичные, а также в алтайских (примеры см. ниже). Исключения представляют собой финский, вепсский, эстонский, ливский, удмуртский и саамские языки.

Как отмечает М.Майер-Брюггер, в индоевропейском праязыке конструкции типа ‘Пол сухой’ не требовали употребления глагола ‘быть’ [Meier-Brügger 2002: 54]. Именные предикативные конструкции могли употребляться без глагола-связки в ведийском языке, особенно в настоящем времени [Елизаренкова 1982: 402-403; Spreyer 1896: 75]. Согласно *A Grammar of Modern European*, в индоевропейском праязыке без глаголов-связок употреблялись сочетания существительных с другими существи-

тельными, прилагательными (в нашей терминологии – именными сказуемыми) и частицами: хетт. *Attaš aššuš* ‘Отец хороший’, лат. *Omnia praeclara rara* ‘Всё хорошее редко’, древнеперс. *Adam Dārayavauš* ‘Я – Дарий’ [Quiles 2007: 221]. Неясно, является ли отсутствие глагола ‘быть’ в таких предложениях эллипсисом.

В древнерусском глаголы с опущенным глаголом ‘быть’ хотя и редко, но присутствовали [Veenker 1967: 232-233]. В старославянском в предложениях с вневременным значением, т.е. с указанием на действие или состояние, постоянное для данного субъекта, именное сказуемое соединялось с подлежащим без помощи связки (*никто же благъ тькмо единъ богъ* ‘Никто не свят, кроме бога’, *дохъ во вьдръ а плоть не мощна* ‘Дух бодр, а плоть слаба’, *коль жьзъка врата* ‘Как тесны ворота!’), а в предложениях со значением собственно настоящего времени глагол *бъити* не опускался (*съ естъ наследъникъ* ‘Он наследник’, *юже не достоинъ есмь нареци сь сьбъ твои* ‘Я уже недостоин называться твоим сыном’, *ты ли еси црь подѣискъ* ‘Ты ли Царь Иудейский?’) [Хабургаев 1974: 398; ср. Вайан 1952: 389-390]. В других славянских языках конструкции с глаголом ‘быть’ архаичны, т.е. сохраняются только в устойчивых выражениях и пословицах [Veenker 1967: 231].

В.Феенкер разграничивает два типа конструкций с глаголом ‘быть’ в финно-угорских языках: 1) именные: ‘быть’ – это глагол-связка (‘Я – человек’); 2) бытийные: ‘быть’ – это полноценный глагол в значении ‘существовать’ (‘Я здесь’ = ‘Я живу здесь’ = ‘Я существую здесь’). В частности, в мансийском, по его данным, «бытийные» конструкции можно выражать двойко: с глаголом и без глагола ‘быть’ (*ōli*): *Am tit-ti-ja/ Am tit ōleyt* ‘Я здесь’, *Naŋ tit-ti-ja/ Naŋ tit ōleyt* ‘Ты здесь’, *Tav tit-ti-ja/ Tav tit ōli* ‘Он здесь’, *Mān tit-ti-jat / Mān tit ōlev* ‘Мы здесь’, *Nān tit-ti-jat/ Nān tit ōleyt* ‘Вы здесь’, *Tāt tit-ti-jat/ Tān tit ōleyt* ‘Они здесь’ [Veenker 1967: 113]. В коми и удмуртском глагол ‘быть’ отсутствует и в бытийных, и в именных конструкциях, а в черемисском глагол ‘быть’ опускается в обоих типах конструкций только в форме третьего лица:

Табл. 15. «Именные» и «бытийные» предложения в коми, удмуртском и черемисском языках [Veenker 1967: 114]	
«Именные» конструкции	«Бытийные» конструкции
Коми	
Me mort ‘Я человек’	Me tani ‘Я здесь’
Te mort ‘Ты человек’	Te tani ‘Ты здесь’
Sijö mort ‘Он человек’	Sijö tani ‘Он здесь’
Mi jöz ‘Мы люди’	Mi tani ‘Мы здесь’
Ti jöz ‘Вы люди’	Ti tani ‘Вы здесь’
Najö jöz ‘Они люди’	Najö tani ‘Они здесь’
Удмуртский	
Mon ad’ami ‘Я человек’	Mon tatyn ‘Я здесь’
Ton ad’ami ‘Ты человек’	Ton tatyn ‘Ты здесь’
So ad’ami ‘Он человек’	So tatyn ‘Он здесь’
Mi ad’amios ‘Мы люди’	Mi tatyn ‘Мы здесь’

Ti ad'amios 'Вы люди'	Ti tatyn 'Вы здесь'
Soos ad'amios 'Они люди'	Soos tatyn 'Они здесь'
Черемисский	
Muj ajdeme ulam 'Я человек'	Muj tyšte ulam 'Я здесь'
Tuj ajdeme ulat 'Ты человек'	Tuj tyšte ulat 'Ты здесь'
Tudo ajdeme 'Он человек'	Tudo tyšte 'Он здесь'
Me ajdeme ulyna 'Мы люди'	Me tyšte ulyna 'Мы здесь'
Te ajdeme ulyda 'Вы люди'	Te tyšte ulyda 'Вы здесь'
Nuno ajdeme ulyt 'Они люди'	Nuno tyšte ulyt 'Они здесь'

Таким образом, оформление именных и бытийных конструкций в финно-угорских языках различно. Тем не менее, В.Феенкер считает, что их влияние на русский в плане элизии глагола 'быть' доказано в достаточной мере [Veenker 1967: 168].

В активных языках глагол 'быть' зачастую либо опускается, либо отсутствует. Например, С.Риггс пишет о языке дакота: «...there is no real necessity for such a connecting link between words; and accordingly we do not find any single verb in the Dakota language which simply predicates being. The Dakotas can not say abstractly, *I am, thou art, he is*; but they can express all the modes and places of existence. And the verb of existence is understood in pronouns, nouns, and adjectives» [Riggs 1893: 70]. Его примеры: *Wakanŋtanŋka wašte* 'Бог хороший' (ср. англ. *God is good*), *Wi kin kata* 'Солнце жаркое' (*kin* – артикль; ср. англ. *Sun is hot*), *De miye* 'Это я' (ср. англ. *This is I*), *Hena iŋyaŋ* 'То камни' (ср. англ. *Those are stones*), *Danikota* 'Ты – дакота' (ср. англ. *Thou art a Dakota*); во всех случаях без глагола 'быть'. В языке лакота глагол *e* 'быть' употребляется, если представить несколько упрощённо, когда предикат определяет субъект (*Wicaša kin le itancan kin he e* 'Этот человек – босс', где глагол-связка *e* стоит на последнем месте; *Le micinca kin e* 'Это – мой ребёнок'), но не используется, когда предикат описывает субъект (*Le wicaša kin wašte* 'Этот человек хороший', *Le wašte* 'Он хороший') [Buechel 2002: XXII]. В активном языке гуарани, судя по описанию Л.Стассена, глагол-связка 'быть' отсутствует и в том случае, когда предикатом является существительное, и при предикатах-прилагательных [Stassen 1997: 25]. При определении местоположения, однако, глагол 'быть' присутствует: *O-imě okě mē* (3SUBJ-be door at) 'Он у двери'. В активном языке чокто в предложениях типа *Pam-at holisso '=pisáachi'* (Pam-NM teacher) 'Пам – учитель', *Uuniito aka'nakth* (3B.PL-sibling 3A-doctor) 'Их сестра – доктор' глагол-связка *a* опускается, но если в том же типе предложения заменить третье лицо на первое или второе (*Holisso '=pisáachi' si-ya-h* (teacher 1SII-be-TNS) 'Я – учитель'), глагол-связка *a* становится обязательным [Broadwell 2006: 34; Montgomery-Anderson 2008: 405]. Во фразах типа 'Он хороший' связки не требуется. В будущем и прошедшем времени глагол, однако, не опускается, т.к. выражает категории времени и аспекта.

Таким образом, хотя на более ранних стадиях развития русский язык чаще прибегал к использованию глагола *быть* в конструкциях упомяну-

тых типов, речь в данном случае идёт об относительной инновации по сравнению с индоевропейским праязыком, в котором глагол 'быть' также опускался [Veenker 1967: 234]. Следовательно, русский вернулся к первоначальному употреблению, возможно под влиянием финно-угорских языков. В древних индоевропейских языках и активных языках глагол 'быть' в именных и бытийных конструкциях редок, что говорит об их типологической близости.

Э.Леви усматривал влияние финно-угорских языков на **систему времён** древнерусского языка, что выражается в упрощении системы времён до нынешних трёх [Veenker 1967: 96]. Из индоевропейского праязыка в праславянский были унаследованы лишь некоторые типы аориста. В праславянском, однако, система времён значительно расширилась: только для выражения прошедших событий употреблялось четыре времени (аорист, имперфект, перфект и плюсквамперфект) [Ремнёва 2004: 250]. Современный русский сохранил только перфект, превратившийся в универсальное прошедшее время, т.е. система времён резко сократилась.

Мы здесь исходим из того, что между категорией вида (или способов действия) и временами существует определённая связь: обширная система времён не требуется, если в данном языке присутствует развитая категория вида или способов действия, и наоборот. В качестве примера приведём здесь многочисленность способов действия в арабском языке (направление, интенсивность, частотность действия) и малочисленность времён, а также противоположное соотношение в латыни [Schmidt-Brandt 1998: 12]. Г.А.Климов видит связь между неразвитостью категории времён в активных языках и многочисленностью способов действия типа интенсива, итератива, дезидератива и т.д., т.е. способов действия, реконструированных и для индоевропейского праязыка [Климов 1977: 214]. Действительно, К.Бругман восстанавливал для индоевропейского праязыка только два времени: настоящее-аорист и перфект [Lehmann 1993: 166], т.е. слабая развитость времён компенсировалась, очевидно, многочисленностью способов действия⁴. О явной взаимосвязи вида и количества времён говорят

⁴ Ср. «На первом этапе [в индоевропейском праязыке] существовали лишь видовые различия, определявшие действие с точки зрения характера его протекания во времени. Это были различия по длительности/ недлительности, результативности/ отсутствию результата и некоторые другие. Видовые различия древнейшей эпохи следует отличать от соотносённости совершенного/ несовершенного вида: в древнейший период действие характеризовалось более конкретно, с меньшей степенью абстрагированности. <...> Второй этап в развитии видо-временных отношений определяется оформлением категории времени, то есть грамматически выраженным становится отношение действия к моменту речи, что находит отражение в структуре слова. При этом формы различных времён оформляются на базе древних видовых категорий... <...> Наконец, в ещё более позднюю эпоху устанавливается противопоставление совершенного и несовершенного вида, средством разграничения которых становятся приставки. Видовая роль приставок намечается, по мнению исследователей, ещё в индоевропейскую эпоху... Но только в славянских и близких к ним балтийских языках видовая роль приставок развивается последовательно» [Ремнёва 2004: 237].

авторы *Исторической грамматики русского языка*, комментируя исчезновение древнерусских прошедших времён в процессе развития видовых различий:

«Следует, впрочем, помнить, что все эти значения прошедшего времени [перфектные, плюсквамперфектные и т.д.] и сейчас реализуются в сферах функционирования языка; и если при реконструкции истории прошедших времён принять во внимание процесс слияния видовых и временных значений в каждой отдельной глагольной словоформе, то, строго говоря, и в отношении современного языка нельзя говорить об одном прошедшем времени. В самом деле: *написал* или *пришёл*, даже вне контекста, это не “вообще” прошедшее, а только перфект или аорист; а *писал* или *шёл* – это либо имперфект, либо плюсквамперфект. Не учитывая этого обстоятельства, невозможно понять, куда “исчезли” в русском языке различные прошедшие времена...» [Горшкова, Хабургаев 1981: 325-326].

О взаимосвязи категорий времени и вида говорит также М.Ремнёва: среди возможных объяснений сокращения числа времён в славянских языках она упоминает и следующее [Ремнёва 2004: 251]. Поскольку аорист обозначал действие непродолжительное, точечное, неповторяющееся, а имперфект – процесс, состояние, действие длительное или повторяющееся, т.е. эти времена выражали отношения, близкие к видовым, с развитием категории вида, выразившейся глагольной основой, информация о видовых отношениях стала дублироваться и глагольными основами, и особыми формами прошедшего времени. Необходимость в аористе и имперфекте отпала, тем более что глагольная основа становилась универсальным выразителем видового значения для любого члена глагольной парадигмы.

Видовая система, схожая с русской, прослеживается и в других древних индоевропейских языках. Так, для прото-германского восстанавливаются два времени (претерит и настоящее, с помощью которого можно было выражать и будущее), но при этом использовались глаголы совершенного и несовершенного вида, ср. древнеангл. *Mōdes geōmor meregrund gefēoll* ‘В печали он на дно морское упал’ (*gefēoll* ‘упал’ стоит здесь в совершенном виде) [Lehmann 2007]. Как уже видно по данному примеру, совершенный вид передаётся префиксом *ge-*, ср. тж. древнеангл. *bīdan* ‘ждать, оставаться’ vs. *gebīdan* ‘повидать, пережить’. В готском ту же функцию выполнял префикс *ga-*: *háusjan* ‘слышать’ vs. *gaháusjan* ‘услышать, воспринять’; *saih^wan* ‘видеть’ vs. *gasaih^wan* ‘увидеть’.

Таким образом, можно предположить, что малочисленность времён в индоевропейском праязыке обусловлена развитостью способов действия, многочисленность времён в древнерусском – слабой развитостью категории вида, малочисленность времён в современном русском – сильной развитостью категории вида. Тот факт, что русский вернулся от системы времён к категории вида/ способов действия, характерной и для индоевропейского праязыка [Lehmann 1993: 176-178], и для активных языков [Lehmann 1993: 214], может теоретически свидетельствовать, в сочетании с другими факторами, о возврате русского к деноминативному строю в некоторых отношениях. Ни в одном другом славянском языке такого сокращения

числа времён не наблюдается [Veenker 1967: 216-217]. Следует отметить, однако, что современная категория вида в значительной мере отличается от более древней славянской, а она, в свою очередь, – от индоевропейской:

«Категория вида (несовершенного ~ совершенного) – специфическая особенность славянского глагола, сложившаяся, как принято считать, на базе индоевропейских видовых отношений. Следы этих древних видовых различий, которые можно отметить в разных славянских языках внутри глаголов одного вида, по-разному характеризующих действие (типа *вести* – *водити*, *сидити* – *сидити*), вполне определённо отражают несоответствие древней видовой классификации с двучленным (бинарным) противопоставлением глаголов несовершенного ~ совершенного вида в славянских языках, где несовершенный вид – это “нейтральная” характеристика процесса в отношении времени его развёртывания, а совершенный вид – уточнение временных границ осуществления процесса (обычно – окончания, реже – начала или двусторонней ограниченности; ср. совр.: *писать* – *написать*, *петь* – *запеть*, *прыгать* – *прыгнуть*)» [Горшкова, Хабургаев 1981: 278-279].

«В древних славянских языках, в том числе и в старославянском, видовые отношения имели некоторые отличия от современного русского языка. Обнаруживается, что ряд глаголов мог употребляться и в значении совершенного вида, и в значении несовершенного вида, и это нельзя считать омонимией, так как явление распространялось на слишком большое число глагольных основ...» [Ремнёва 2004: 237].

Возможно, двойственное употребление глаголов обусловлено тем, что в древний период бесприставочные глаголы ещё не были в полной мере охвачены категорией вида.

В финно-угорских языках времена развиты относительно слабо, а для их языка-основы реконструируют всего два времени, настоящее и прошедшее, которые правильнее было бы назвать способами действия (настоящее время = незавершённое действие, прошедшее = завершённое). Впрочем, дискуссия по этому вопросу не окончена, некоторые исследователи реконструируют для прото-уральского три-четыре времени. В архаичном хантыйском присутствуют только два времени, но его близость к праязыку по некоторым параметрам также сомнительна. Как бы то ни было, следует подчеркнуть, что прото-уральский обладал, скорее, категорией способов действия или вида и не имел обширной системы времён. Влияние финно-угорских языков на русскую категорию вида сомнительно уже потому, что начало её образования относится ещё к праславянскому языку, т.е. речь в данном случае может идти только об усилении или о косвенном влиянии через разрушение системы времён (если исходить из предположения, что между этими грамматическими категориями имеется связь).

В активных языках система времён обычно невелика. Например, в дакоте их всего два: неопределённое (аорист) и будущее [Riggs 1893: 25]. Неопределённым может выражаться и настоящее, и прошедшее, что устанавливается по контексту (например, по словам типа ‘вчера’, ‘сейчас’). Маркер будущего времени *kta* ставится после основного глагола, как и по-

лагается в языках с порядком слов SOV, а у неопределённого времени маркер отсутствует. Хотя С.Риггс, грамматикой которого мы пользовались, не употребляет терминов «вид» или «способ действия», его разъяснения системы вспомогательных глаголов дакоты позволяют предположить, что способы действия в нём всё-таки выражаются. Так, глагол *iyeyu* выражает завершённость или неожиданность действия (*Yuŕstaŋ iyeyu* ‘Он доделал это’, *Kaksa iyeyu* ‘Он неожиданно отрезал это’), редупликация обозначает повторение действия (*ipsiśa* ‘прыгнуть’ vs. *ipsipsiśa* ‘прыгать’) или его продолжительность (*Den maŋka maŋke* ‘Я есть здесь’ = ‘Я остаюсь здесь’ или ‘Я продолжаю оставаться здесь’); глагольный суффикс *s’a* обозначает частотность или обыкновенность действия (*Yahi s’a* ‘Ты приходишь часто’, *Iyatoŋśni s’a* ‘Ты обычно врёшь’) [Riggs 1893: 68-69]. Совершенный и несовершенный виды присутствуют в индейском языке тускароора. Имеется также третий вид – стативный [Mithun 1999: 221]. Стативные глаголы (напр., *-ihs-* ‘быть отвратительным’) употребляются только в стативном виде, активные глаголы – в совершенном, несовершенном или стативном (в стативном – для описания длящихся в данный момент событий или состояний, наступивших в результате действия в прошлом). Времени всего три: настоящее, будущее и прошедшее. В языке чокто употребляются три маркера времени: *-ttook* (давнопрошедшее), *-tok* (прошедшее, перфект), *-h* (неопределённое), что компенсируется системой способов действия, выражающих длительность, повторяемость, неожиданность, начало или продолжение действия после паузы [Broadwell 2006: 161-166, 171].

Партитив финно-угорских языков мог усилить в русском общице для всех славянских языков в большей или меньшей мере **генитивныи субъекты и объекты** в конструкциях типа *Ответа* (род. п.) *не пришло*, ср. *Ответ* (им. п.) *пришёл*; *Не вижу книги* (род. п.), ср. *Виджу книгу* (вин. п.) [Veenker 1967: 130-131, 168]. В.Феенкер считает, однако, такое влияние маловероятным. Генитивныи субъекты при отрицании не следует путать с генитивом, обозначающим часть субъекта или объекта (genitivus partitivus: *Дайте мне хлеба* = фин. *Antakaa minulle leipää* (PART.) = кольско-саам. *Aññ minne l’ejpe* (GEN.)) [Veenker 1967: 127-128, 168]. В этом случае влияние финно-угорских языков Феенкер считает вполне вероятным. Хотя партитивныи субъекты и объекты могут присутствовать в активных языках (например, в чокто [Naag 2001: 127]), к фреквенталиям активного строя они, насколько нам известно, не относятся. Тем не менее, они представляют собой явные отступления от стандартной формулы номинативного строя «субъект (ном.) > глагол > объект (акк.)».

В.Феенкер обращает внимание на то, что в финно-угорских языках заметна тенденция употреблять особую форму аккузатива, если объект действия одушевлён [Veenker 1967: 124-125]. Так, в коми форма «определённого аккузатива» предпочитается при одушевлённых объектах. Б.А.Серебренников писал по этому поводу в книге *Историческая морфология пермских языков* (1963) следующее: «В настоящее время решительно преобладает разграничение винительного падежа на *-ds* и винительного падежа без оформления в соответствии с категориями живого (человека, жи-

вотного) и неживого (вещи)» [цит. по: Veenker 1967: 244]. Там же Феенкер цитирует работу В.И.Лыткина *Современный коми язык* (1955): «У существительных намечается тенденция распределиться по употреблению падежей на три группы: 1) названия лиц (ös-овый винительный падеж всегда возможен), 2) названия прочих живых существ (ös-овый винительный падеж возможен в определённых случаях), 3) названия прочих предметов (ös-овый винительный падеж в неопределённом склонении невозможен). Вопрос о грамматической категории одушевлённости и неодушевлённости коми языка ждёт своих исследователей». Влияние на русскую **категорию одушевлённости** – ещё одно отклонение от стандартной формулы номинативного строя – представляется Феенкеру, однако, маловероятным. Действительно, известно, что как раз в северных говорах категория одушевлённости развита относительно слабо, из-за чего формы именительного = винительного падежа используются во множественном числе названий животных вместо родительного: *били звери, пасу коровы*. В южных говорах, напротив, категория одушевлённости охватывает не только множественное, но и единственное число женского рода: *дати на поруку матере ево, взяли дочеря моя* [Горшкова, Хабургаев 1981: 218]. Более того, в южных говорах категория одушевлённости охватывает также и названия животных (используется родительный падеж дополнения).

Возможно, влияние финно-угорских языков законсервировало в северных русских диалектах **неоформленный винительный падеж** в конструкциях типа *Надо печка топить, Надо земля подборанивать*. Если в индоевропейском праязыке первоначально без особого окончания употреблялся, очевидно, любой «аккузатив» (вернее, пациентивный падеж, если исходить из того, что праязык обладал активным строем или его реликтами) [ср. Климов 1977: 160], то в северных русских диалектах в винительном падеже не меняется только форма существительных ж. р. ед. ч. на *-а* (впрочем, на существительных среднего рода и значительной части существительных мужского рода данная особенность северных говоров и не могла отразиться, т.к. формы именительного и винительного падежей у них совпадают: *Я видел дом/ знамение*) [Veenker 1967: 120-122]. Таким образом, можно сказать *земля пахать, вода носить, доска пилить*, но не *ребёнок качать* (вместо *ребёнка качать*) или *мальчик причёсывать* (вместо *мальчика причёсывать*). А.Х.Востоков приводит следующие примеры из древнерусского, подчёркивая при этом, что данная особенность распространяется только на существительные женского рода: *Взяти емоу та правда, которага то въ томъ городѣ... а Немчию таже правда взяти въ Роуси, а Немчию платити ѿ двою капю коуна Смоленская* (Смоленская грамота, 1229 г.), *А мнѣ рече, дай Богъ исправити правда Новгородская* (Новгородская летопись), *А вотчина ти наша подо мною держати по душевной грамотѣ... а орда, господине, тобѣ знати и исправливати самому, а мнѣ орды не знати* (договор Кн. Ив. Андр-ча с в. кн. Вас. Вас-чем, 1448 г.) [Востоков 1980: 117].

Зачастую неоформленные формы женского рода можно встретить в безличных конструкциях с модальными предикативами и инфинитивами: «Употребление именительного падежа существительных на *-а* в качестве

прямого дополнения к инфинитиву распространено в большей части северных говоров, кроме южной их части (например, владимирских говоров), в западной же части эта конструкция заходит дальше на юг, вторглась в область переходных говоров (например, в псковских говорах). В древности эта конструкция охватывала ещё более широкую область, в XVI в., например, она встречалась и в московских памятниках» [П.Черных, цит. по: Veenker 1967: 239]. Как уже видно из приведённой цитаты, рассматриваемая форма употреблялась значительно активнее на более ранних стадиях развития русского языка. Это подтверждается и другими источниками. Так, в 1963 г. Б.А.Ларин писал в книге *Об одной славяно-балто-финской изоглоссе*, что территория именительного падежа прямого дополнения неуклонно сокращается из-за распространения грамотности и усилившегося влияния литературного языка [Veenker 1967: 242]. Он полагает, что пять-шесть веков назад эти конструкции были известны всем трём восточнославянским языкам как реликтовые, но что наиболее устойчивыми они оказались в русских говорах и деловом языке Московской Руси. Ларин обращает внимание на похожие вымирающие конструкции в финно-угорских и балтийских языках. Будучи незнакомым, очевидно, с теорией о деноминативности праязыка финно-угорской семьи, он предполагает субстратальное воздействие на неё каких-то более древних языков раннего населения Европы. Такие предположения оказываются ненужными, если учесть, что и в эргативных языках, и в активных объекты действия зачастую не маркируются. Потеря данной конструкции в славянских языках, где она раньше была широко распространена, объясняется номинативизацией и сильным влиянием греческого, латыни и немецкого [Veenker 1967: 122]. Лучше всего она сохранилась в тех регионах России, где ассимилированные носители финно-угорских языков перешли на русский.

Немаркированные объекты можно найти во всех уральских языках, кроме остякского [Navas 2008: 31]. В следующих примерах из финно-угорского «мордовинского» (= мордовского) языка неопределённый объект остаётся без маркировки, совпадая с номинативом: *Свяк семдонь, пади, кодама-кодама стирня каванят* 'Возьми их все [деньги], если у тебя в гостях девушка', *Tjñdenk jovtan t'eñk bobaska* 'Я расскажу тебе историю' (слова *стирня* и *bobaska* не имеют окончаний; использовалось написание источника) [Navas 2008: 4]. Определённые объекты получают маркировку. В коми-зырянском языке объекты также делятся на определённые (маркированные) и неопределённые (немаркированные). Примеры немаркированных: *Peder pjr keć kije* 'Пётр продолжает охотиться на зайца', *Me šeta tenjđ sumka* 'Я даю тебе ранец'. В вотякском с определёнными объектами употребляется окончание аккузатива *-ez*, а с неопределёнными – нулевое.

Совпадение форм номинатива и аккузатива встречается не только в финно-угорских языках, но и в прочих урало-алтайских: самодийских, тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских. Так, в 1965 г. Дж.Киебаев отмечал в статье *О грамматической категории определённости и неопределённости в урало-алтайских языках*: «Урало-алтайские языки характеризуются наличием двух винительных падежей, управляемых переходным глаголом: 1) винительный определённый и 2) винительный не-

определённый. Оба эти падежа исторически следует считать древними. В большинстве урало-алтайских языков винительный неопределённый падеж не имеет своей морфемы (аффикса) и внешне совпадает с именительным» [цит. по: Veenker 1967: 245]. Б.А.Серебрянников писал относительно уральских языков, что в них винительный падеж выступает чаще всего в двух формах – неопределённой и определённой, причём неопределённая форма обычно не имеет специального суффикса [Veenker 1967: 243].

В языках активного строя падеж, эквивалентный индоевропейскому аккумулятиву – пациентивный падеж, – зачастую не маркируется на существительных вообще (маркируется только на глаголе), либо маркируется опционально (только в определённых случаях). Например, в индейском языке чокто «номинатив» (активный падеж) всегда маркируется окончанием *-at*, а «аккумулятив» (пациентивный падеж) может маркироваться окончанием *-a* (*John-a pisa-tok* (John-ACC see:N-PT) ‘Джона он видел’, где *-tok* обозначает претерит), но может и не маркироваться вообще (*Ahi' honni-tok* (potatoes boil-PT) ‘Он варил картофель’) [Broadwell 2006: 32]. Принципы, которыми руководствуются носители чокто при маркировке аккумулятива, исследованы недостаточно. В языке коасати аккумулятив маркируется у существительных флексией *-n*, но в случаях, когда по контексту и так понятно, кто является субъектом, а кто объектом, может использоваться и нулевое окончание [Kimball 1991: 394]. Объект действия в таких случаях ставится перед глаголом с субъектным окончанием: *Cokfi lawista-Ø i:bi-t i:pa-t* (rabbit small(PL)-OBJ kill-CONN eat-CONN) ‘Он убивает и ест молодых кроликов’.

Таким образом, и древние индоевропейские языки, и современные активные, и финно-угорские прибегают к использованию немаркированных дополнений. В русском языке подобные формы встречаются наиболее часто в тех говорах, которые контактировали с финно-угорскими языками, что позволяет предположить субстратальное консервирующее влияние последних. С другой стороны, наличие в финно-угорских языках грамматических категорий, сопоставимых с русской категорией одушевлённости-неодушевлённости, вероятно, не возымело никакого действия на русский язык, что видно по плохой сохранности соответствующих форм в северных диалектах.

ЛИТЕРАТУРА

- Broadwell 2006 – *Broadwell A.* A Choctaw Reference Grammar. Lincoln, 2006.
- Buechel, Manhart 2002 – *Buechel E., Manhart P.* Lakota Dictionary: Lakota-English/English-Lakota. Lincoln, 2002.
- Enfield 2002 – *Enfield N.J.* Ethnosyntax: Introduction // *Ethnosyntax: Explorations in Grammar and Culture.* Oxford, 2002.
- Haag et al. 2001 – *Haag M., Willis H., Noley G.* Choctaw Language and Culture. Norman, 2001.
- Havas 2006 – *Havas F.* Die Ergativität und die uralischen Sprachen // *Finnisch-Ugrische Forschungen* 59, Heft 1-3.

- Havas 2008 – *Havas F.* Unmarked object in the Uralic languages. A diachronic typological approach // *Linguistica Uralica* XLIV, Heft 1.
- Kimball, Abbey 1991 – *Kimball G.D., Abbey B.* Koasati Grammar. Lincoln, 1991.
- Kortlandt 1983 – *Kortlandt F.* Proto-Indo-European verbal syntax // *Journal of Indo-European Studies* 11 (1983).
- Lehmann 1978 a – *Lehmann W.P.* Conclusion: toward an understanding of the profound unity underlying languages // *Syntactic Typology: Studies in the Phenomenology of Language*. Austin, 1978.
- Lehmann 1978 b – *Lehmann W.P.* English: A characteristic SVO language // *Syntactic Typology: Studies in the Phenomenology of Language*. Austin, 1978.
- Lehmann 1993 – *Lehmann W.P.* Theoretical Bases of Indo-European Linguistics. London, 1993.
- Lehmann 2007 – *Lehmann W.P.* A Grammar of Proto-Germanic. University of Texas at Austin, 2007 – <http://www.utexas.edu/cola/centers/lrc/books/pgmc00.html>
- Meier-Brügger 2002 – *Meier-Brügger M.* Indogermanische Sprachwissenschaft. 8. Aufl. Berlin, 2002.
- Mithun 1999 – *Mithun M.* The Languages of Native North America. Cambridge, 1999.
- Mithun 2004 – *Mithun M.* The value of linguistic diversity: Viewing other worlds through North American Indian languages // *A Companion to Linguistic Anthropology*. Oxford, 2004.
- Montgomery-Anderson 2008 – *Montgomery-Anderson B.* A Reference Grammar of Oklahoma Cherokee. University of Colorado, 2008.
- Quiles 2007 – *Quiles C.* A Grammar of Modern Indo-European: Language & Culture, Writing System & Phonology, Morphology and Syntax. Indo-European Language Association, 2007.
- Riggs 1883 – *Riggs S.* Dakota Grammar, Texts, and Ethnography. Washington, 1883.
- Schmidt 1987 – *Schmidt U.* Impersonalia, Diathesen und die deutsche Satzgliedstellung. Bochum, 1987.
- Schmidt-Brandt 1998 – *Schmidt-Brandt R.* Einführung in die Indogermanistik. Tübingen, 1998.
- Seeffranz-Montag 1983 – *Seeffranz-Montag A.v.* Syntaktische Funktionen und Wortstellungsveränderungen: Die Entwicklung «subjektloser» Konstruktionen in einigen Sprachen. München, 1983.
- Sihler 1995 – *Sihler A.L.* New Comparative Grammar of Greek and Latin. New York, Oxford, 1995.
- Speyer 1896 – *Speyer J.S.* Vedische und Sanskrit-Syntax. Strassburg, 1896.
- Stassen 1997 – *Stassen L.* Intransitive Predication. Oxford, 1997.
- Veenker 1967 – *Veenker W.* Die Frage des finnougriischen Substrats in der russischen Sprache. Bloomington, 1967.
- Wichmann 2007 – *Wichmann S.* Valency-reduction in event-oriented languages // *Studies in Voice and Transitivity (Estudios de voz y transitividad)*. München, 2007.

- Wiik 2005 – *Wiik K.* Celts, Estonians and other North-Europeans // Estonian Culture 2 (2005) – http://www.einst.ee/culture/II_MMV/wiik.html
- Востоков 1980 – *Востоков А.Х.* Грамматика церковно-словенского языка. Köln, Wien, 1980.
- Гамкрелидзе, Иванов 1984 – *Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 1. Тбилиси, 1984.
- Горшкова, Хабургаев 1981 – *Горшкова К.В., Хабургаев Г.А.* Историческая грамматика русского языка. М., 1981.
- Дешериев 1953 – *Дешериев Ю.Д.* Бацбийский язык: Фонетика, морфология, синтаксис, лексика. М., 1953.
- Елизаренкова 1982 – *Елизаренкова Т.Я.* Грамматика ведийского языка. М., 1982.
- Иванов 1965 – *Иванов В.В.* Общеиндоевропейская, праславянская и анатolianская языковые системы (сравнительно-типологические очерки). М., 1965.
- Кацнельсон 1936 – *Кацнельсон С.* К генезису номинативного предложения. М., 1936.
- Климов 1977 – *Климов Г.А.* Типология языков активного строя. М., 1977.
- Ремнева 2004 – *Ремнева М.Л.* Старославянский язык: Учебное пособие. 2-е изд. М., 2004.
- Хабургаев 1974 – *Хабургаев Г.А.* Старославянский язык. М., 1974.